

НАСЛАЖДЕНИЕ, ТЕКСТ И ПСИХОТЕРАПИЯ

А.И. СОСЛАНД

При переходе от классического к современному способу построения эпистемологической ситуации происходит осознание того факта, что мышление в принципе не может быть равно своему актуальному содержанию, поскольку оно направляется извне некоей метафизической «изнанкой». Эта изнанка концептуализируется как воля или желание, являющееся предпосылкой мышления и его условием — немыслимым в мысли. Концепция аттрактив-анализа, изложенная автором в целом ряде публикаций, может вполне органично войти в пространство современной мысли. Данная статья продолжает этот ряд, причем здесь автор вводит в оборот несколько ключевых концептов.

ГЕДОНИСТИЧЕСКИ-ТРАНСГРЕДИЕНТНЫЙ НАРРАТИВ (ГТН)

Есть тексты, нацеленные на гедонистический фактор прямо и отчетливо. Есть же и такие, в которых он припрятан где-то на скрытых планах, и только через прояснение неких промежуточных звеньев мы можем докопаться до следов гедонистического переживания.

Отличие аттрактив-анализа от психоаналитического подхода заключается в том, что психоанализ ориентирован преимущественно на интерперсональные отношения, в то время как мы — на измененные состояния сознания (ИСС), точнее, на их культурный репрезентант. Он обозначается нами как гедонистически-трансгрессиентный нарратив (ГТН), и представляет собой некое повествование, связанное как с ИСС, так и с иными состояниями, имеющими отношение к наслаждению, понимаемому нами достаточно широко.

Говоря о «гедонистическом», мы намерены реализовать вполне внятную и прозрачную стратегию концептуализации, а именно — изъять «наслаждение» из позитивистского обихода и представить как социальный конструкт, как элемент культуры, как своеобразный нарратив. Итак, о чем речь?

КОНЦЕПТ ИСС НИКУДА НЕ ГОДИТСЯ

ИСС — концепт, проделавший известный путь. Безусловно, это богатый, яркий и заслуженно востребованный концепт, тем не менее, нуждающийся в ревизии и пересмотре. Это диктуется целым рядом очевидных обстоятельств. Разговор об измененных состояниях сознания традиционно растворен в мистических коннотациях, с одной стороны, и нейрофизиологических, — с другой.

Сложности в дефиниции этого понятия многообразны и приводят авторов — потребителей этих теоретических построений к большим трудностям. Мы не имеем четких критериев для определения границы, где «неизменное состояние сознания»

переходит в измененное. Если оно измененное, то измененное по сравнению с чем? Сколько времени должен длиться транс, чтобы можно было признать его «состоявшимся»? Будет ли это длительное состояние или мимолетное? Какова необходимая и достаточная для констатации ИСС «степень погружения»? Какие способы фиксации этих состояний можно считать адекватными? Достойный путь понимания этого, полагаем мы, заключается в том, чтобы уйти от эссенциалистской парадигмы, ориентированной на познание так называемой «истинной сущности» ИСС, или механизмов, его обеспечивающих.

Поворот к нарративному подходу, ориентированному на анализ повествований, позволит лучше сориентироваться как в феноменологии, так и в конфигурации этих феноменов. На самом деле, речь идет — должна идти — о следах этих состояний в повествованиях, будь то отчеты о них, свидетельства со стороны или даже мимолетные упоминания. Эти состояния не фиксируются иначе, как в отчетах. Нарративный подход фиксирует все обстоятельства, связанные с особыми переживаниями в нетривиальных состояниях. Такая опосредованность вводит то, что мы называем ИСС, в культурный контекст и позволяет основательно разобраться как в его структуре, так и в его значении.

К тому, что подразумевается под ИСС, следует присовокупить и другие массивы наррации, отмеченные также интенсивным гедонистическим переживанием. Речь идет, в первую очередь, о таких сферах, как сексуально-эротическая и властная. Сближение эротики и транса (одновременно и с безумием) со времен «Пира» Платона является, в сущности, общим местом. Нет, полагаем мы, больших сомнений в определенной близости властного переживания и какого-либо из вариантов ИСС. Если выделять наиболее общий момент трансового нарратива и нарративов любви и власти, то, скорее всего, речь пойдет о гедонистическом переживании, о наслаждении.

Мы полагаем, что наслаждение следует понимать не столько как некий организмический процесс, сколько как *сложный и богатый социальный конструкт*. Отчет о гедонистических переживаниях имеет свой язык, свои нарративные тенденции, свои коннотации. Нам здесь важно, однако, то, что концепт ИСС востребован благодаря именно гедонистическим своим свойствам, а вовсе не в силу некоей измененности сознания.

Всякий раз это повествование будет противопоставлено некоей рациональной, регламентированной, лишенной эмоции жизни, каковая, собственно и есть реальный оппонент ГТН'а. Важнейший, сущностный аспект гедонистического повествования заключается как раз в этом противопоставлении.

Другой аспект критики концепта ИСС заключается в том, что это, собственно, не состояние, но процесс. Процессуальность составляет саму суть трансовых переживаний, ибо реализованное «по ту сторону» освобождение предполагает свободу движения в первую очередь. Любое упоминание о статическом здесь неуместно. Речь идет о динамической составляющей, что мы обсудим ниже.

Крайне неудачным в структуре дефиниции ИСС является использование термина «сознание». Эти состояния относятся к сознанию, ориентированному на когнитивное, контроль и проч., как к чему-то безусловно негативному. Сознание здесь — есть нечто такое, что следовало бы преодолеть, вытеснить. Переживание здесь в значительной степени «контрасознательно». Оно включает в себя почти всегда интенсивные телесно-ориентированные аспекты, но, главное в нем — это целостный, холистический характер.

Как уже было сказано, концепт ИСС встраивается в оккультно-мистический контекст чаще, чем в какой-либо другой. Важная задача анализа этих проблем заключается как раз в его *демистификации*, последовательном критическом анализе. Очень важно хотя бы отчасти вывести его из этого содержательного поля и соотносить с совсем иными коннотациями. Важно создать новую аналитическую оптику, которая вооружит нас возможностью отслеживать гедонистическое там, где его, казалось бы, нет или, по меньшей мере, не должно было бы быть.

Интересное в нашем исследовании и подходе заключается в том, что ГТН есть нечто такое, что подлежит разысканию в текстах, вовсе не ориентированных непосредственно на получение наслаждения — философских, психологических, гуманитарных в широком смысле. Мы исходим из соображения, что эти тексты содержат некие следы состояний наслаждения, которые вполне возможно отследить и выявить. Чтобы извлечь эти припрятанные внутри текста моменты, необходим определенный концептуальный аппарат, формированию которого, собственно, и посвящен наш проект.

ТРАНС-ГЕДОНИЗАТОР — КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ ГТН

Все известные исследования по ИСС сходятся на том, что есть различные способы обретения транс (*Tart, 2003; Сосланд, 1999*). Чем бы транс ни был вызван — это всегда транс. Способы его достижения конвертируются один в другой достаточно просто. Известный пример такой конвертации — переход от психоактивного препарата ЛСД к активным дыхательным техникам в трансперсональной психотерапии С. Грофа. Цель всех гедонистически-транссовых действий одна, так что не так уж и важно, как она достигается.

В первую очередь речь идет о психоактивных веществах и о разнообразных психопрактиках. Контексты применения и того и другого тоже известны и многообразны. Это мистико-сакральные поводы, представленные во всех известных культурных мировоззрениях, где использование транс — гедонистического по своей природе состояния легитимировано поклонением высшему авторитету. Это психотерапевтические практики, где использование транс легитимировано угрозой жизни и здоровью.

Мы имеем дело также с ГТН, где не обнаруживаем особой заботы о легитимации. Это разнообразные игры, принятые в культуре (*Callois, 1958*), в том числе, практики производства и потребления произведений искусства и, наконец, современное, никак не сакрализованное, потребление наркотиков.

Итак, у всех этих нарративов есть общий знаменатель — то средство, которое вводит индивида в транс. Это могут быть специфические психотехники, в том числе и сакрально-мистического порядка, психоактивные вещества, включая сюда, например, ароматические средства, эротические возбудители и проч.

НАСЛАЖДЕНИЕ И ВРЕМЯ

По-хорошему ГТН должен описывать *процесс, а не состояние*. Мы имеем дело с развернутым во времени движением. Основные аспекты ГТН понимаются через диахроническое измерение. Процессуальный характер, ускользание от фиксации, определения — еще один важный повод для замены концепта ИСС концептом ГТН. Важно подчеркнуть временную целостность. Диахроническая целостность достигается через континуальность. Дискретное — явный враг гедонистичес-

кого. Здесь можно говорить о безусловной сподручности такой метафоры как «поток», имея в виду самые разнообразные контексты.

Диахронический аспект предполагает, естественно, стратегию концептуализации, ориентированную на стадии, этапы. Начать можно с известных тем «отсрочки» удовольствия. Эта отсрочка может предполагать временные промежутки той или иной длительности. Откладывая гедонистический процесс, который так или иначе должен состояться, делая акцент на так называемом предвкушении, мы пребываем в поле этого процесса. Вступив же в него, мы, не желая расставаться с наслаждением, скорее всего, будем осуществлять политику «затягивания», хотя возможны и другие стратегии, — например, стремительного достижения пика переживания с тем, чтобы, отдохнув в послепиковой паузе, обрести готовность к повторению.

Стадиально-этапное повествование начинается с провокации, предварительной подготовки, создания условий, «разогрева», возбуждающей игры, *Roleplay*. Далее для многих ГТН'ов можно будет предположить наступление конструктивной стадии, где главное будет в максимизации наслаждения, поисках пика, усиления и удержания его. Эти стадии отмечены самыми интенсивными переживаниями и самыми яркими обманами восприятия.

Естественным образом, как и в любой иной стадиальной концептуализации, мы можем думать о стадии угасания и выхода из транса. Эта стадия, в зависимости от особенностей транса, может иметь разную временную структуру — от мгновенного перехода до длительного «выползания».

ГТН всегда стремится к расширению, в том числе, и временному. Выход за очерченные границы трансового состояния как такового вовсе не должен означать завершения повествования. Удержание воспоминаний о процессе, послевкусие — необходимые сопутствующие обстоятельства. В такой практике, как гипнотическая, например, есть специальные речевые стратегии для продления гипнотической игры. Это всем известные фразы, вроде «Мой голос останется с ВамиЕ», «После пробуждения Вы будете еще долго помнить о том, что прочувствовали во время сеансаЕ».

ХОЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Целостность противостоит разорванному, внутренне противоречивому. Если иметь в виду концептуализацию жизненного мира, ориентированную на наличие границ, то ГТН их как бы снимает в пользу некоей целостности.

Одна из важных черт ГТН — это всегда некий *целостный процесс*. Здесь кроется еще одна из причин, из-за чего не стоит приходить в большой восторг от термина ИСС. Аспекты, связанные с «сознанием», играют, в сущности, подчиненную роль. Более того, как уже было сказано, «сознание» в структуре ГТН играет второстепенную роль. Сущностные характеристики сознания, такие, как дискретность, рациональность, контроль выступают как некие преграды для обретения, углубления, формирования ГТН. Они являются здесь чем-то таким, с чем надо «бороться» во имя хорошего «качества» и полноты переживания транса.

Ясно, что целостность ГТН определяется тем, что в нем снимаются противопоставления: объект versus субъект, телесное versus духовное. В повествовании такого рода предполагается размывание границ между духовным и телесным, сознанием и бессознательным. Целый ряд известных философских дискурсов строят свою привлекательность на этих основаниях. Это можно сказать, например, о фе-

номенологии Гуссерля, экзистенциализме, разных неевропейских философских традициях. Ясно, что эти соображения нуждаются в более отчетливой артикуляции.

Обоснование такого теоретизирования имеет и ясный полюс отталкивания: в качестве мишени для концептуальной агрессии, разумеется, следует выставить Р. Декарта — парадигмальную фигуру в истории всех этих «расщеплений». Психофизический параллелизм, субъект-объектная противопоставленность — вот те картезианские «преступления» против стратегий целостности, с которыми холистическая идеология ведет энергичную борьбу.

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ НАПОЛНИТЕЛИ ГТН

Во сне, как известно, к нам приходят сновидения. Психоактивные вещества также провоцируют видения, голоса и многое другое в этом роде. Душевнобольные в патологически измененных состояниях слышат голоса и страшатся видений. Многие известные психопрактики, неважно, терапевтические или сакрально-мистические, ориентированы на приход различных образов к практикующим. Поэт и художник в состоянии вдохновения могут созерцать своих персонажей или даже беседовать с ними. Не обделен видениями, разумеется, и пророк в так свойственном ему священном экстазе. Неважно, происходит ли это на самом деле, или речь идет о культурной мифологии. Словом, *что ни транс — то кинофильм*. Возможно сравнительное исследование этих перцептивных наполнителей в зависимости от вида ГТН, от «гедонизатора» (см. ниже).

Конечно, зрительное перцептивное поле занимает наибольший объем в нашем восприятии вообще и, соответственно, перцептивные наполнители гедонистических процессов это по большей части — визуальное. Эти видения трактуются в зависимости от конкретной ситуации, порождающей ГТН, но в любом случае они имеют некие общие, инвариантные свойства. Их увязывают с особым чувством свободы, трансгрессивностью — в смысле выхода за пределы нарратива принципа реальности (НПР). В гедонистически-ориентированном процессе ослабляется контроль за содержанием перцептивной деятельности, что собственно, и освобождает, разнообразит воображение.

С этим уменьшением контроля и объема репрессивного связаны также имеющие широкое хождение представления о высоком уровне креативности в транс. И сновидение, и транс, и поэтическое вдохновение — согласно разным повествованиям в этом духе — прямой путь к открытиям, прозрениям, откровениям. Легенды об ученых, нашедших во сне решение давно занимавшей их проблемы, музыкантах, услышавших, опять-таки во сне, свою симфонию, аналогичны историям о пророках, переживших явление посланца потусторонних сил, и проч. Визуальные наполнители ГТН легко входят в мифологизированное пространство, где власть дается легко, желания исполняются без помех и проволочек, наказаний за это нет никаких.

ГРАТИФИКАЦИЯ

Отдельно можно сказать о гратификационном аспекте в образной структуре и сюжетах «визуальных наполнителей» ГТН. Отсутствие субъект-объектного расщепления естественным образом приводит к исчезновению сопротивления объекта. Обладание объектом снимает вопрос о нехватке и гратификация наделяется характеристиками реального. Гратификационный момент и гедонистический находятся в тесной связи друг с другом.

Исполнение желаний имеет место не только в сновидениях, как об этом писал З. Фрейд (*Фрейд*, 1991, с.101-109), но и в сюжетах иных перцептивных наполнителей ГТН. Снижение уровня контроля за деятельностью сознания и приводит к появлению таких сюжетов. Решение креативных задач, приходящих во сне, с точки зрения логики ГТН аналогично исполнению желаний эротического порядка в построениях фрейдовской метапсихологии.

ВОЗМОЖНОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ГТН

Давайте вспомним известный анекдот о четырех наркоманах, сидящих в тюремной камере и мечтающих выбраться на волю. «Сейчас, — говорит кокаинист, — мы сломаем решетки, разобьем двери, перебьем охрану и окажемся на свободе». «Не стоит, — возражает ему анашист, — кругом такие добрые, славные люди. Пойдем-ка лучше к начальнику тюрьмы и отпросимся у него на свободу. Ведь не откажет же он нам, в самом деле». «Друзья, — обращается к ним морфинист, — зачем ломать, зачем отпрашиваться? Просто сейчас мы просочимся через стены и полетим, полетим, полетим, — куда глаза глядятЕ». «Зачем просачиваться? — говорит ЛСД-зависимый — Мы ведь уже и так на воле. Посмотрите вокруг: лес, поляна, цветы, птицы поют». Эта история отражает особенности транса, получаемого от каждого из наркотиков. Напряженной брутальности кокаиниста противостоит добродушная беспечность анашиста и трансовая сновидность морфиниста. Галлюциноген ЛСД продуцирует разного рода видения.

Не составит большого труда выделить следующие ГТН, отчасти соответствующие видам наркотического транса:

1. *Кокаиноподобный ГТН* характеризуется, как известно, выраженной расторможенностью, двигательной активностью, состоянием эмоционального подъема и возбуждения.

2. *Марихуаноподобный ГТН*. В этом состоянии существенно облегчены все коммуникативные процессы. Ощущение безопасности, нескритичность, своеобразная беззаботность сочетается здесь с расторможенностью влечений, в первую очередь, как водится, сексуального. Марихуаноподобное ИСС, видимо, самое распространенное, неспецифическое состояние такого рода.

3. *Морфиноподобный ГТН* характеризуется отрешенностью, выпадением из реальных обстоятельств места и времени. В сущности, соответствует клиническому феномену сумеречного состояния сознания. В клинической психиатрии мы находим аналогию этому в так называемых сумеречных расстройствах сознания.

4. *Галлюциногенноподобный ГТН* связан с переживанием различного рода обманов восприятия. Переживания зрительных образов чаще всего носят спонтанный характер. Психопатологическая параллель — любой галлюцинаторный синдром.

ТРАНСГРЕССИЯ

Аттрактивное подразумевает некий выход за пределы, причем эти пределы построены и локализованы по-разному. Наша стратегия концептуализации увязывает гедонистическое и трансгредидентное достаточно жестко. Мы вовсе не ограничиваемся имманентностью наслаждения, для анализа текста необходим ход, ведущий в пространства, находящиеся «по ту сторону».

Под трансгрессией понимают некую, присущую личности тенденцию «выхода за пределы», преодоления неких поставленных границ. Вот как об этом пишет М. Фуко: «Трансгрессия — это жест, который обращен на предел; там, на тончайшем изломе линии, мелькает отблеск ее прохождения, возможно, также вся тотальность ее траектории, даже сам ее исток. Возможно даже, что та черта, которую она пересекает, образует все ее пространство (Фуко, 1994, с.117)».

Трансгрессия — феномен не вполне специфический. «Выход за пределы» практикуется повсеместно и постоянно. Существование в рамках, в границах, в пределах с высокой долей вероятности может привести к стагнации. В силу этого можно говорить о трансгрессии как об особом виде мотивации.

Трансгрессивная мотивация существует в различных режимах. Она проявляется в самых различных феноменах, встраивается в самые различные ситуации и поведенческие стратегии. Трансгрессивен и ребенок, нарушающий родительские предписания, и участник карнавала, под маской творящий запретное. Таков же бандит-убийца и художник, открывающий новые формы производства арт-объектов. Это же относится к душевнобольному, разрывающему с общепринятой конвенцией «адекватного поведения» и к харизматическому, например, лидеру, который драматическими жестами порывает с традиционными установлениями.

Поскольку в определении этого дела существенную роль играют именно границы, то и понимание трансгрессии может быть достигнуто при условии внимания к теме «границ». Это, собственно, и имеет в виду Фуко, когда пишет: «Предел и трансгрессия обязаны друг другу плотностью своего бытия: не существует предела, через который абсолютно невозможно переступить; с другой стороны, тщетной будет всякая трансгрессия иллюзорного или призрачного предела» (*там же*, с.117).

Трансгрессия может осуществляться в различных направлениях:

1. *За пределы «обыденности».* Давление повседневности преодолевается входом из некоего постоянного размеренного режима существования. Потребность в этом очевидна и повсеместна. Карнавалы и всякого рода игровые практики, ситуации, приобретающие статус «события» являются здесь равноценными по отношению к пересекаемой невидимой, но вполне ясно ощущаемой границе.

2. *За пределы конвенции.* «Общественный договор» диктует систему правил, подлежащих исполнению. Нарушение этих правил выводит за поставленные традицией границы. Это может проявляться на поведенческом уровне (вспоминаем Ставрогина, укусившего за ухо человека в светском собрании, обэриутов и футуристов, эпатазирующих публику вызывающими жестами и пр.). Однако всякая инаковость имеет смысл только тогда, когда она являет собой нечто исключительное. Будучи возведена в ранг обыденной нормы (что происходит, в частности, в современной культурной ситуации) она теряет свой трансгрессивный статус. Существенная часть конвенции облечена в форму закона. Любое преступление само по себе является трансгрессивным феноменом. Нарушение закона в любой области ломает рамки, размывает границы, бросает вызов самосохранению.

3. Трансгрессия присуща всякому мало-мальски значимому прорыву *in novum*. Повторяющееся, тривиальное, банальное — всем этим в значительной степени отмечен порядок границы. Проанализированное нами «влечение к новому» — *кай-нэрастия* по природе своей трансгрессивное желание (Сосланд, 2003).

4. *Изменения эмоционального статуса.* Выход за пределы сдерживания эмоций сопровождается любой трансгрессией. Эмоциональным всплеском отмечен выход за пределы как таковой. Эмоциональная составляющая трансгрессии универсальна и неспецифична.

5. *За пределы социального пространства.* Речь идет о так называемой маргинальности. Маргинальные группы состоят из персонажей, выдвинутых так или иначе за пределы общественного порядка, устоявшихся социальных норм.

6. *За пределы психической нормы.* «Безумие» тоже отделено от обычного порядка существования. Невозможно ясно определить границу, отделяющую «безумное» от «нормального», но метафора такой границы имеет большой легитимизирующий смысл.

7. *За пределы языковой нормы.* Здесь речь может идти как о неологизмах шизофренической речи, так и о речевых новообразованиях маргинальных групп (пример — уголовная «феня»). Сюда также можно отнести различные виды новоречи бывших маргиналов, захвативших власть. Это, например, новая лексика революционных режимов. Это и новояз Великой французской революции (название месяцев революционного календаря — термидор, брюмер). Нацистский режим в Германии и совдеповский в России тоже породили свои новоязы.

Судя по всему, возможны и иные трансгрессивные оси.

Трансгрессивен космонавт, преодолевающий земное притяжение на звездолете. Но трансгрессивен и школьник, прогуливающий урок. Наркоман, ощущающий «приход» после укола. Музыкант, на вдохновенном драйве справляющийся со сложной каденцией. Футболист, срывающий с себя футболку после забитого гола, несущийся к болельщицким трибунам. Солдат, бесстрашно встающий в атаку под огнем противника. Но более всех трансгрессивен автор, пытающийся распространить свои идеи как можно дальше, за любые мыслимые пределы.

ГТН И ТЕЛЕСНОСТЬ

Любое гедонистическое переживание интенсивно укоренено в телесности. Телесное обеспечение процесса наслаждения — неизбежный сюжет внутри ГТН. Этот сюжет отчетливо связан с европейской иудейски-христианской традицией репрессии телесного и подробно проработан во многих текстах, посвященных патопсихологии телесности, а особенно же — телесно-ориентированной психотерапии. Собственно, любой ГТН описывает *депрессию телесности*. Разнообразные, как мы их обозначили, транс-гедонизаторы — психоактивные вещества, психологические и сакральные практики и т.п. — ориентированы как раз на то, чтобы уменьшить удельный вес «сознательного» за счет увеличения удельного веса «телесного» в структуре переживания. Телесность в значительной степени определяет такие аспекты ГТН, как собственно наслаждение, а также зависимость.

Другой телесно-ориентированный сюжет связан с нейропсихологическим аспектом. Различение между *первичными и вторичными психическими процессами* было введено З. Фрейдом в VII главе «Толкования сновидений» (Фрейд, 1991, с.420-438). Первичный процесс, как мы знаем, оперирует предметными представлениями, имеет континуальный характер протекания, характеризуется вневременностью. Вторичный процесс основан на работе со словесными представлениями, дискретности временного потока, связан с абстрактно-логическим мышлением.

Как известно, впоследствии это различие стало темой для аналогий в контексте исследований *функциональной асимметрии мозга*. Первичные процессы были соотнесены с правополушарной мозговой деятельностью, вторичные — с левополушарной. Ясно, что ГТН ближе к описанию «правополушарной» жизни.

Другой нейрофизиологический аспект связан с известной темой *эндогенных опиатов* — эндорфинов и энкефалинов. Целый ряд исследований говорит в пользу того, что организмом вырабатываются некие нейропептиды, которые оказывают существенное влияние на эмоции. Они обладают отчетливым транквилизирующим и болеутоляющим действием. Интерес к этому сюжету связан с утопическими проектами создания некоего универсального «эликсира удовольствия», в духе препарата «сома» из романа «Бравый новый мир» О. Хаксли. Как ответ на этот сюжет сам собой напрашивается критический контрсюжет экзистенциалистского толка. В нем идея такого гедонистического эликсира деконструируется в контексте апелляции к известным гуманистическим нарративам — ответственности, вины, креативности, автономности и пр.

Еще один телесно-ориентированный контекст восходит к теории И.П. Павлова и связан с фундаментальной нейрофизиологической оппозицией *торможение versus возбуждение*. Редукция к этим базисным феноменам является одним из важных поводов для классификации ГТН. В самом деле, в большинстве случаев речь идет или о неких переживаниях успокоения, или же, наоборот, возбуждения. Так, в сфере психоактивных веществ мы имеем дело с бинарными полюсами производных морфина и мескалина, которые порождают, соответственно, пассивные состояния релаксации или же интенсивного возбуждения. В мире сакральных практик мы имеем дело со столь же противоположными по своему характеру медитативными и экстатическими состояниями. В репертуаре терапевтических ГТН мы видим, с одной стороны, отчеты об «успокаивающих» гипнотических, медитативных состояниях, опять-таки пассивно-релаксационных, и активных, связанных с активизацией ресурсов, с другой.

Разумеется, все разнообразие повествований не сводится к этим двум полюсам. Среди ГТН существует множество различий, создающих пестрое разнообразие повествований. С другой стороны, «возбуждение» и «торможение» могут разнообразным образом накладываться друг на друга, создавая различные локусы внутри ГТН. «Павловский» контекст создает и важную классификационную основу и позволяет отслеживать динамику гедонистического повествования, о чем мы подробнее поговорим ниже.

В определенной связи с «павловскими» нейрофизиологическими процессами находится и аспект, связанный с системой кровеносных и иных сосудов организма. С гедонистически-телесными различными редакциями и увязками соединены такие физиологические явления, как расширение просвета кровеносных сосудов, снижение их тонуса или, наоборот, усиление тонуса, увеличение кровотока. Все эти феномены коррелируют с возбуждением, торможением и разными другими аранжировками гедонистического.

Телесное может быть и локальным, т.е. соотнесенным с определенной подсистемой человеческого организма. Для большего уточнения ГТН было бы не худо ввести концепт «ведущая гедонистическая соматическая подсистема». Понимая, что речь здесь идет о целостном процессе, в который вовлечен весь организм, мы имели бы в виду здесь лишь ту его часть, которая является основным условием «наслаждения». Как это ни банально звучит, скажем, что медитативные дыхательные практики связаны, в первую очередь, с работой легких, эротическое дело так и ли

иначе привязано к генитальной сфере, психоактивные вещества воздействуют на центральную нервную систему и т.д.

В телесно-ориентированный нарратив встроен известный редуccionистский соблазн. «Телесное» как бы предшествует и создает условия функционирования всего «нетелесного», а именно — психического, личностного, коммуникативного. Деструкция этого соблазна осуществляется через утверждение нередуccionистских принципов построения текстов, что имеет давнюю традицию в философском пространстве. Эта традиция по большей части сформирована в текстах, ориентированных на феноменологическую, экзистенциалистскую, гуманистическую парадигмы.

ГТН УЗНАЕМ ПО АДДИКЦИИ

Один из главных резонансов говорить о «гедонистическом» связан с темой зависимости. Собственно, вполне естественно, что состояния, помеченные «наслаждением», имеют тенденцию воспроизводиться, и эта тенденция фиксируется как «зависимость». Неудовлетворенная зависимость приводит, соответственно, к синдрому отмены.

Аддикция и абстиненция, — в сущности, есть два главных маркера ГТН. Наслаждение воспроизводится и повторяется до наступления пресыщения. Пресыщение, новизна обозначают переход к новому типу ГТН. Если мысленным взором окинуть все виды ИСС, то станет ясно, что повторение, воспроизведение здесь важнейшее дело, независимо от того, связано ли это с психоактивными веществами, с сакральными или иными психопрактиками.

Компульсивное стремление воспроизводства гедонистического состояния может иметь и так называемую телесную, и так называемую психическую «природу». Главное здесь — обязательный, нудительный их характер и различные степени дискомфорта при нехватке.

ЛЕГИТИМАЦИЯ

Ясно, что любые гедонистически-трансгрессионные практики несут в себе такие опасности, как зависимость и абстиненция. Опасное в смысле злоупотребления должно быть так или иначе легитимировано. Различные культурные практики посвящены тому, чтобы гедонистически-трансговое так или иначе узаконить. Пользование наслаждениями может быть встроено в мистическое, в терапевтическое, в коммуникативное и проч. Легитимация этих практик и является важнейшим аспектом в их культурном освоении. Если раньше «монополией» на легитимацию гедонистического владела сакральная сфера, то сейчас можно говорить о том, что терапевтическая область вытесняет сакральное из этой сферы, с чем мы особенно часто сталкиваемся в новейшее время. Терапевтические нужды оправдывают применение трансговых техник в гипнозе, медитации, а, кроме того, ГТН, так или иначе, встроены почти в любую психотерапевтическую технику (см. наше исследование — *Сосланд, 1999*).

АСПЕКТ НАСЫЩЕНИЯ

Метафора голода встроена в самую сердцевину ГТН. Неважно, какой природы наше повествование, важно, что здесь никогда не бывает самоограничения. Наслаждения никогда не бывает достаточно. В природе любого трансга, любого гедонистического повествования — достижение пика интенсивности. Речь идет о

любых трансах, связанных как с психоактивными веществами, так и с психотехниками. Насытить любую гедонистическую нехватку — не просто, ибо она не имеет четко обозначенных пределов.

Наслаждение в каком-то смысле бесконечно и ограничено только возможностями здоровья и благосостояния. Достигнув одного пика, мы скоро начинаем воспринимать его как заурядную рутинную норму. Происходит постоянное расширение объема насыщения. Мы тут же прибегаем к различным стратегиям интенсификации. Эти стратегии ориентированы на проблему дозы, требующей постоянного наращивания, проблему количественных мер, объемов, концентраций.

Эти «интенсификаторы» известны в структуре ГТН в самых разных областях. Не обходится без них, например, эротическая сфера. Она всячески обслуживается афродизиаками, различными практиками ограничения и остановки дыхания (удушение). Дифференциация в сфере ощущений должна обеспечиваться разнообразными модусами извлечения наслаждения, какой-нибудь акробатикой Камасутры. Гедонистическое проблематизируется здесь как своего рода искусство, мастерство.

Условие ГТН — это всегда новизна. Именно этот фактор встраивает гедонистическое в контекст культуры, как ничто другое. Сама по себе телесность не обеспечивает переживание наслаждения в полной степени, важна еще и смена — качественная и количественная способа осуществления такого переживания — иной гедонизатор (см. выше) или, по меньшей мере, новый способ его функционирования. Новизна есть главное условие противопоставления контрамодусу. Повторение — признак трудового пространства. Особое внимание здесь — новизне, как главному модусу гедонистического.

КОНТРАМОДУС

Как уже было сказано, ГТН всегда имеет в виду некое обстоятельство, которому себя противопоставляет. Растворяясь в наслаждениях, мы ни на миг не упускаем из виду того, в пику чему эти наслаждения себя преподносят. «*Вопреки чему, против чего, кому назло наслаждаемся?!*» — этот вопрос встроен в самую сердцевину наслаждения и ответ на него может прояснить очень многое в сущности ГТН.

Здесь обратим внимание на два аспекта. Итак, первый контрамодус есть обыденно-трудовое пространство существования, производящее нарративы принципа реальности (НПР), сформированные обстоятельствами долга, обязанностей, регламента, отчетности, контроля. Гедонистическое формируется как оппозиция всему этому делу посредством обесценивания НПР. Эти нарративы снабжаются характеристиками вроде «банальное», «скучное», «пресное».

Другое противопоставление имеет своей оппозицией уже не НПР, но иной ГТН. Не мир труда, контроля и регламента девалоризируется ради того, чтобы гедонистический процесс состоялся. Иной нарратив наслаждения может быть преподнесен как нечто морально изношенное, устаревшее и проч. Сюжет обесценивания здесь другой. Это, скорее, сюжет «утомления», желания новизны и проч. Контрамодус глубоко встроен в механизм запуска и протекания процесса наслаждения и, следовательно, имеет ключевое значение в сфере аттрактивности.

ГТН — ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

Отталкиваясь от НПР, или от иного ГТН, актуальный гедонистический процесс разворачивается, дистанцируясь все больше от своих контрамодусов. И так,

мы воспринимаем как наслаждение уход от состояния, которое обозначаем как отсутствие одного. Мы двигаемся прочь от рационально-принудительного, равно как и от предшествующих нашей актуальной гедонистической практике, состояний.

Грубое различие здесь может выделить сразу два полюса. В одном случае мы строим гедонистический процесс в направлении *полюса возбуждения*, и тогда девалоризируем некий покой, наделяя его при этом аксиологически негативной метафорикой (болото, гниение, прозябание). Психоактивные вещества здесь — кокаин, аяхуаска и т.п. Сакральная практика — экстатическая, наподобие хлыстовского радения с глоссолоалией. Психотерапевтическая практика — групповые техники, направленные на активизацию всех участников и т.п. Коррелят внутри психологического дискурса здесь — позиция, обращенная на здесь-и-сейчас, актуализирующая желания, упраздняющая запреты, упор на активность Я и т.п.

В ином случае мы имеем дело с ГТН, *ориентированным на релаксацию, покой*, и, соответственно, обесценивающее движение происходит в сторону двигательных образов и стратегий, которые снабжаются соответствующими аксиологическими инвективами — (суета, беготня, раздражение). Психоактивные субстанции, двигающие в этом направлении — относятся к кругу морфинов. Адекватные сакральные практики — медитации. Психотерапевтические — «медитациеподобные» — гипноз, медитация, любые анксиолитические действия. В гуманитарном тексте такому нарративу будут соответствовать локусы, противостоящие стремлению к «суетному, преходящему», указывающие на «вечное».

Здесь мы приводим только две стратегии построения ГТН с соответствующими коррелятами. Разумеется, немислимо редуцировать все многообразие гедонистическитрансового к двум или нескольким видам состояний. Они будут различаться по многим параметрам — перцептивным наполнителям, ведущей телесной подсистеме, глубине интенсивности, но все же важным поводом различия ГТН будут два пути его развертывания — от подвижного к неподвижному и наоборот. Соотношение интенсивного и пассивного сегментов, точек возбуждения и релаксации распределяется соответственно аксиологическим соображениям. Функции аксиологических жестов — валоризации и девалоризации, — возможно, и заключаются в распределении полей активности.

АППРОПРИАЦИЯ ГТН'ОМ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Те пространства, где удовольствие не живет, с давних пор устремлены туда, где оно живет, что вполне естественно. На самом деле, гедонистическое легко заполнит любое место, где его нет, ему везде и всегда рады. А двигаться есть куда.

Заполнению могут подвергнуться *пространства страдания* и *пространства скудного*. И там, и там мы наблюдаем локусы гедонистического вакуума. Наделить оба типа территорий гедонистического — действие само собой разумеющееся, причем с обеих, так сказать, сторон: страдание и скука легко отдадут себя под покровительство наслаждения, а оно, в свою очередь, будет радоваться новым сферам своего покровительства. Территорию страдания, прежде чем гедонизировать, следовало бы перевести в статус аксиологически позитивного. Проще говоря, осуществить операцию преобразования дурного в достойное, желательное и привлекательное. Речь идет об идеологии, наиболее отчетливо артикулированной у Лейбница в «Теодицее» (1989).

Аналогичный ход — непривлекательное становится привлекательным — мы видим в стратегии конструирования такой перверзии, как мазохизм. Известная са-

тира на лейбнищианство, а именно «Кандид» Вольтера сближает эти два феномена — оправдание зла и любовь к мукам. Мы уверены, что в культуре есть еще много подобных стратегий аттрактивизации отталкивающего.

РАЦИОФОБИЯ

Гуманитарная дискурсивная стратегия в качестве мишени девалоризации часто выбирает рациональность. Рациональное — связанное с НПР (см. выше), рефлексивное, дискретное противопоставляется в этих стратегиях любовному порыву, художественному вдохновению, интуитивному прозрению, непосредственному контакту с «природным», всему, что так или иначе отмечено эмоциональной интенсивностью. Рациональное сопрягается с «филистерским», низменным, банальным, повседневным, репрессивным. Как раз самое негативное, с точки зрения ГТН, в рациональном то, что оно существует, как маркер репрессивного.

Эта тенденция слишком распространена, чтобы ее не пометить отдельным термином, что мы и делаем. Например, здесь можно было бы пользоваться термином *рациофобия*, имея в виду фобию во всех ее видах: и как страх, и как ненависть.

Возможны различные контексты *рациофобии*. Нетрудно представить себе художественную, когда поэтическое вдохновение и соответствующий жизненный уклад противопоставляются банальной рассудочности обывателя. Сакрально-мистический *рациофобический* дискурс возбраняет рефлексивно-рациональное, как порождающее сомнения в том, что относится к пространству веры. Эротическая *рациофобия* существует в рамках оппозиции между непосредственностью эротического и цепочкой опосредующих рациональных построений. Возможно и множество других контекстов и сюжетов иллокутивной агрессии против рационального.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ГТН

ГТН как социальный конструкт неизбежно обрастает коммуникативной оболочкой. Стратегии осуществления гедонистически-ориентированного процесса обсуждаются в любом аспекте, порождая определенные стереотипы. Так, очень важна здесь возможность продемонстрировать своеобразную стратегию к безграничности пользования наслаждениями.

Повествования в этом роде тематизируют такое, например, дело, как достижение *гедонистического тика*. Разного рода транссы могут различаться по уровням, стадиям и степеням погружения. Достижение максимальной степени — предмет исследований, научных построений вокруг ГТН и подробных обсуждений. Так, гипнотические сеансы могут различаться по степеням погружения. Транс, вызванный психоактивными веществами, может быть разной степени глубины, что неизбежно ведет к пересмотру размеров дозы. Культово-мистический экстаз тоже может отслеживаться по степени глубины вхождения в него.

Вообще для ГТН типична демонстрация гедонистической *«лихости»*, своеобразной *«удали»*, назовем это так. Важно проявить безоглядность в преследовании удовольствий. Порой следует особо подчеркнуть свое презрение к возможностям расплаты за трансовые радости в будущем, готовность рисковать здоровьем, благополучием и проч. Как предмет особого коммуникативного интереса здесь обсуждаются перцептивные наполнители ГТН (см. выше). Они могут обсуждаться и как показатели глубины погружения, и как индикаторы опасности трансовых «перегрузок».

Вокруг различных ГТН'ов может собираться определенное сообщество. Участие в нем, место в иерархии, позиция в групповой динамике, и гедонистическое лидерство будет определяться не в последнюю очередь степенью продвижения в глубины транс. Недостаточное достижение этих глубин будет поводом для критики, или даже изгнания из сообщества. Поругание трезвого в хмельной компании и презрение к «непоэту», как лишенному «вдохновения» с этой точки зрения — родственные друг другу феномены.

Конечно, одной из задач такого сообщества является рекрутирование новых участников, имеющих намерение приобщиться к принятому в этом сообществе транс-гедонизатору.

ГЕДОНИСТИЧЕСКОЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ

Одна из важных интенций нашего подхода заключается в том, чтобы вывести гедонистическое из контекста позитивистской идеологии. Наши усилия направлены не в последнюю очередь на то, чтобы *сделать наслаждение полноценной категорией философско-психологического обихода*.

Как уже было сказано, ГТН как таковой создается не в последнюю очередь при помощи механизмов валоризации и девалоризации. Конструируя наслаждение, мы не можем сделать ни шагу без дистрибуции аксиологического. Мы постоянно наделяем ценностными характеристиками или лишаем их любой аспект нарративного пространства в окрестностях наслаждения. Высшая форма валоризации — сакрализация окружает ГТН в различных формах религиозного сознания. Психотехники, направленные на деформацию сознания, — медитации, экстатические прорывы испокон веков встроены в структуру культового обихода вне зависимости от конфессии. Сакрализация, как высшая степень валоризации — исконный культурный довесок к ГТН'у.

Мы старались, чтобы наслаждение на глазах внимательного читателя превратилось из лапидарного понятия в сложный, интересный и современный концепт, так, чтобы никто не мог нам поставить на вид, будто мы создаем его в рамках позитивистского подхода. Гедонистически-трансгredientный нарратив, по нашему замыслу, вполне может соответствовать критериям философского дискурса, принятым после «лингвистического поворота».

АТТРАКТИВИСТСКИЕ АЛЛЮЗИИ

По нашему замыслу ГТН есть некая сердцевина в структуре аттрактив-анализа. Присутствие его в тексте осуществляется через целый ряд опосредующих звеньев. В нашей терминологии — аттрактивистских аллюзий. Мы основательно разобрали их в наших прошлых публикациях (*Сосланд*, 2004а-е; 2005а-d) и поэтому сейчас просто перечислим и кратко охарактеризуем.

Пронативное

Один из аспектов аттрактив-анализа обозначен нами как пронативный (лат. — связанный с рождением) (*Сосланд*, 2005а). Пронативная привлекательность объединяет в себе такие концепты как ностальгия и идентичность, первичность и естественность. Этот концепт вводит нас в своеобразную ситуацию сравнительного анализа, где мы сравниваем разные тексты, формы жизни и пр. с точ-

ки зрения того, что в большей степени смотрится как «родное». Пронативные сравнения всегда в пользу естественного перед искусственным, подлинного перед наносным, детского перед чем-то позднейшим, древнего перед новым, исконного перед отчужденным. Интересно отметить исключительное обилие сентенций на эту тему в корпусе народных фольклорных текстов, особенно среди пословиц и поговорок. «Навскидку» вспоминается: «Своя рубашка ближе к телу», «Ворон ворону глаз не выклюет» и проч.

Пронативная привлекательность лежит, помимо всего прочего, в основании почвеннического, консервативного дискурса, где мы легко можем встретить и очевидно аксиологически негативные коннотации, как, например, ксенофобические. Когда, например, мы рассуждаем о таком понятии как «смысл», мы имеем дело с чем-то «близким к телу», с тем, что относится к области своего собственного, родного, естественного. Всех этих свойств мы не находим, когда рассматриваем концепт «значение». В этом случае мы говорим о чем-то всеобщем, для нас малозначимом, малоинтересном, в сущности, малопривлекательном. Стимулирующее эмоциональное действие значение может обрести только после апроприации, после присвоения его личностью, иначе говоря, после своего превращения в смысл.

Миракулоцентрический аспект

Феномен чуда тоже вполне может быть достойно коцелтуализирован, причем внимание здесь следует уделить следующим существенным моментам.

Чудо может быть рассмотрено, как некое радикальное событие, противоречащее неким законам природы, при минимальном количестве энергии, на это событие затраченном. Чем более «энергоемкое» явление и чем меньше при этом усилие, затраченное на это явление, тем чудо, скажем так, значительнее. Взмах волшебной палочки, сдвигающий горы, трение старой лампы, вызывающее джинна, исполняющего любые желания — вот примеры несоответствия усилия и последствия.

Размах и значительность чуда наглядно можно оценить через метафору арифметической дроби. В числителе этой дроби — затраченное усилие (допустим, взмах волшебной палочки), в знаменателе, соответственно, — масштаб свершаемого события (допустим, землетрясение). Чем меньше знаменатель (чем слабее затраченное усилие) и чем больше числитель (размер деяния), тем больше сама дробь, соответственно, чудо, с которым мы имеем дело.

В пространстве глубинно-психологического дискурса такие связи восходят к описанному Ш. Ференци феномену инфантильного всемогущества (*Ференци, 2000*). Этот феномен маркирует одноименную стадию инфантильного развития. Ребенок в некий период начинает понимать, что он может управлять миром посредством своего голоса. По его крику ему протягивают грудь, меняют мокрое белье, берут на руки, меняют игрушку и т.д. Переход от состояния мнимого всемогущества к реальному восприятию своих ограниченных возможностей — дело длительное и болезненное. Отчасти такая адаптация происходит через восприятие сказочных образов волшебных предметов, таких, как сапоги-скороходы, скатерть-самобранка, ковер-самолет. Речь идет о предметах, связанных с одной очевидной закономерностью: при минимальных затратах — максимальный эффект.

Чудо формирует и определенную коммуникативную ситуацию вокруг себя. Чуду предшествует чаще всего состояние нехватки и ожидания. Вокруг чуда разыг-

рывается борьба веры и скепсиса. Ситуация, связанная с феноменом чуда, может вызывать сопротивление.

Антиванитатизм

Первый концепт из тех, что делают образ философа привлекательным, мы обозначили термином «антиванитатизм». Антиванитатизм — (от *vanitas* — лат. прозрачность, видимость, суэта, бесплодность, праздная болтовня и т.д.). — это существующая в рамках различных дискурсивных стратегий тенденция к диагностике, развенчанию и преодолению всего «суетного». Позиция философа формируется как отстраненная от так называемой реальной жизни, полной суетных преходящих интересов.

«Суетное» в этих дискурсивных стратегиях противопоставляется «сущностному», «неподлинное» — «подлинному», «видимое» — «действительному», «поверхностное — глубокому», «временное» — «вечному». Антиванитатизм является весьма распространенной в культуре идеологемой. Он легитимирует философский и религиозный дискурсы, оправдывая позицию философа и священника в структуре и пространстве общества.

Опулент-анализ

Привлекательность концепта смысла в значительной степени в его богатстве. Богатство в проекте «аттрактив-анализ» рассматривается в рамках малого проекта «опулент-анализ» (Сосланд, 2005а). Речь идет о богатстве текста в рамках некоей арифметической метафоры (разумеется, о реальном исчислении таких богатств речи быть не может).

Опулент-анализ (от *opulent* — лат. богатство) основан на разных дискурсивных реалиях. Экстенсивная часть опулент-анализа ориентирована на «оперирование крупными массивами текста». Иначе говоря, речь идет о тенденциях современной гуманитарной литературы обращаться к таким реалиям, как культура, миф, семиосфера, метанарратив, идеология и т.д. В свою очередь, интенсивная часть опулент-анализа ориентирована на аспекты внутреннего богатства текста, такие, как информационная емкость, метафоры, дуальные (и иные квазиколичественные) структуры.

Безумие

В безумии мы определенно видим аналог трансового переживания. Эти состояния издавна являются неотъемлемой частью самых разных религиозных практик. ГТН роднят транс не только с экстазом религиозных практик, но и с вдохновением художника, точнее с образом этого вдохновения, представленным в культуре.

Душевнобольной привлекателен по целому ряду признаков. Он близок к святому и художнику благодаря схожести своего состояния с религиозным и творческим экстазом. Он обладает очень высоким уровнем независимости. Он свободен от многих обязательств и условностей. Эта свобода так желанна для любого, что создает непосредственные условия для идентификации с душевнобольным.

Он имеет право на многие привилегии. Привилегии душевной болезни отчасти сродни тем, что имеют место при болезнях соматических. Однако соматические не наделяют их обладателя ни статусом святого, ни славой гения.

Бинарная аттраллюзия

В наших предыдущих публикациях (Сосланд, 2004d; 2005b) мы обсуждали значение для аттрактив-анализа так называемого бинарного аффекта, то есть «аффекта, развивающегося в двух противоположных направлениях». Особое настроение игры связано как раз с тем, что разные эмоции — страх, радость, огорчение, тревога, надежда — переплетаются в одном клубке. Без этого клубка эмоций мы не испытывали бы никакого удовольствия от игры.

Антисуперэгойная привлекательность

История психотерапевтического дискурса, начиная с психоанализа, может быть представлена как история «борьбы с Суперэго». В самом деле, влияние этой инстанции на развитие невротических расстройств стало основной темой не только психоаналитических теорий. В той или иной редакции «антисуперэгойные» дискурсивные коды присутствуют во многих теориях других направлений.

Ясно, что образ «Суперэго» отличается весьма существенной непривлекательностью. Суперэго как инстанция «заставляет» человека трудиться, мешает наслаждаться, многое хорошее, как, например, инцест вообще сурово воспрещает. Лишенное серьезной поддержки во внутреннем пространстве личности, оно, Суперэго, легитимировано преимущественно интерперсональными отношениями. Для нормального функционирования оно должно интенсивно поддерживаться извне. Эта поддержка осуществляется в значительной степени средствами принуждения. Понятно, что само по себе существование Суперэго обеспечено возможностью наказания за отклонение от соблюдения неких правил и норм. Помимо всего прочего сюда относится и пенитенциарная система. Суперэго получает свое самое полное воплощение в пенитенциарных проектах. Вне этих факторов Суперэго является, на самом деле, весьма хрупкой конструкцией.

Пространственные аттраллюзии

Дилатационизм (от *dilatatio*, лат. — расширение) — тенденция к расширению пространства, охватываемого концептуальным взором (в терминологии гуссерлевской феноменологии — жизненного мира, ограниченного «горизонтом»).

Виды дилатации.

Во-первых, следует отметить расширение как таковое, безотносительно к направлению расширения или, можно сказать, расширение по всем направлениям. Перечень концептов мировой философской мысли здесь мог бы быть бесконечным. Сам дух философии — в некоем расширении. Философствование и есть, собственно, освоение космического и жизненного пространства, географического и духовного — безразлично какого в контекстуальном аспекте — но в любом случае крупномасштабного.

Профундиалистский дискурс.

Термином профундиализм (от *profundus*, лат. — глубокий) мы означаем концепт, дискурсивный смысл которого — это противопоставление «поверхностного» — «глубокому».

Профундиалистская оптика связана с особым отношением к тайне. За поверхностью, за «покрывалом Майи» есть что-то недоступное взгляду, ребус, подлежащий разгадке. Те, кто в состоянии его разгадать — «хозяева» профундиалистского

дискурса — являются одновременно обладателями неких незаурядных возможностей, вкупе с определенной привлекательностью.

Эксельсизм.

От латинского *exelsus* — возвышенный. Эксельсизм — есть род дискурсивной стратегии, построенный на обращении к «высокому», «возвышенному», а также на противопоставлении «высокого» — «низкому». Здесь важно подчеркнуть, что «возвышенное» не рассматривается нами как исключительно эстетическая категория, как это принято в традиционном философском дискурсе.

Явная иерархичность этого концепта открывает перед его пользователем превосходные полемические возможности. Употребление «высокого» в полемике, даже скрытое присутствие его создает возможность для создания полемического преимущества в любой полемической ситуации. Возносясь вверх, человек как бы теряет вес, уходит из-под сферы действия законов притяжения, ощущает своеобразное головокружение. Таким образом, восприятие возвышенного связано с ГТН. Оно может объединять в себе и эстетическое переживание и религиозный экстаз и, в известной степени этический пафос.

Все эти аттрактив-аллюзии рассматриваются нами как некий путь от текста к ГТН. Наличие в составе этих феноменов элементов транс приводит к их взаимной координации с ГТН, они как бы переключаются, устанавливая определенную связь.

Аттрактивистика и психотерапия

Психотерапевтический дискурс представляет собой особое поле применения принципов аттрактивистики. Ясно, что в целом сфера этого подхода в психотерапии весьма объемна.

Психотерапия сама по себе, как уникальная терапевтическая практика, представляет собой большое и своеобразное искушение. Ясно, что здесь, наряду с возможностью реализации идеологического воздействия, как это имеет место в философии, академической психологии и т.д., существует еще один соблазн — осуществления своеобразной власти над личностью клиента, будь то в индивидуальной терапии или в группе. Возможность осуществлять прицельную психологическую ортопедию, проникнутая особой магически-трансцендентальной привлекательностью, аналогичная, к примеру, религиозным и политическим властным практикам (в основе которых тоже лежит некое «психологическое» воздействие), — вот в чем коренная сущность привлекательности психотерапии, как рода деятельности.

«Удовольствие» от терапии — это зачастую погружение в особый мир, расслабляюще-карнавальный, выхватывающий из надоевшей повседневности. «Параллельная реальность», создаваемая в процессе психотерапии, не может не быть гедонистической в своей основе. В частности, внушаемая в гипнозе виртуальная реальность соотносится зачастую с известными видами пассивного отдыха. «Гедонистические» элементы, конечно, не исчерпывают психотерапевтическое действие, но именно они формируют привлекательность метода в любой психотерапии.

Что касается разных теорий психотерапевтических школ, то ясно, что все они отвечают вполне определенному требованию. Они все дерепрессивны — то есть противостоят некоему репрессирующему элементу в пространстве, окружающем клиента. Они должны обязательно гарантировать клиенту некое пространство свободы, и его защищать.

Мы исходим из того, что понимание истоков и каналов аттрактивности является очень важным делом для ориентации в психотерапевтическом пространстве. Именно образ метода, теории, концепта вызывает интерес к нему в профессиональном сообществе и за его пределами. Соображения привлекательности играют очень серьезную роль в том, какие дискурсы захватывают пространство семиосферы, а какие — нет. Аттрактивность влияет на ориентацию в текстовом разнообразии, а также в мире психопрактик.

Этот текст следует рассматривать как предварительное сообщение по теме «гедонистически-трансгredientный нарратив и его связи с текстовым пространством». По мере разработки данного концепта, мы надеемся многое в нем уточнить и проработать.

ЛИТЕРАТУРА

- Лейбниц Г. В.* Сочинения в 4 т.: Пер. с франц. Т. 4 — М.: Мысль, 1989.
- Сосланд А.И.* Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.
- Сосланд А.И.* Кайнэрастия. // Солнечное сплетение, Мосты культуры — Гешарим, Москва — Иерусалим, 2003, с.319-323.
- Сосланд А.И.* Антиванитатизм. Концепт системы аттрактив-анализа // Русская антропологическая школа. Труды, вып. 1, — М.: РГГУ, 2004а, с.138-152.
- Сосланд А.И.* Глубокое и высокое // Экзистенциальная традиция, № 1 (4), 2004b, с.128-143.
- Сосланд А.И.* Бытие и пространство // 2-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии (Звенигород, 2-5 мая 2004 г.), — М.: 2004с, с.120-125.
- Сосланд А.И.* Дискурс, расширяющий пространство // Русская антропологическая школа. Труды, вып. 2, — М.: РГГУ, 2004d, с. 289-308.
- Сосланд А.И.* Аттрактив-анализ. Концептуализация подхода // Антропологические конфигурации современной философии. Материалы научной конференции 3-4 декабря 2004г. Философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 2004е, с.240-242.
- Сосланд А.И.* Любовь к смыслу // Проблема смысла в науках о человеке (К столетию Виктора Франкла). Материалы международной конференции (Москва, 19-21 мая 2005 г.), — М.: Смысл, 2005а с. 94-99.
- Сосланд А.И.* Психотерапия и аттрактив-анализ // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». — Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005b, №7 (51), с.36-42.
- Сосланд А.И.* Счастье от безумия // Русская антропологическая школа. //Труды, вып. 3, — М.: РГГУ, 2005с, с. 121-135.
- Сосланд А.И.* Введение в аттрактивистику // Мир психологии, № 3 (43), 2005d, с. 233-247.
- Тарт Ч.* Измененные состояния сознания / Пер. с англ. — М.: Изд-во ЭКСМО, 2003.
- Ференци Ш.* Теория и практика психоанализа: Пер. с нем. — М.: ПЕР СЭ, СПб.: Университетская книга, 2000.
- Фрейд З.* Толкование сновидений. — Ер.: «Камар», 1991.
- Фуко М.* О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994.
- Caillou R.* Les Jeux et les hommes. — Gallimard, Paris, 1958.
-